

Л. П. Гарбуль

*Вильнюсский университет
(Вильнюс, Литва)*

К ВОПРОСУ О МЕЖСЛАВЯНСКОЙ МИГРАЦИИ ЛЕКСИКИ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

В современной славистике не вызывает сомнений утверждение, что наблюдаемое в настоящее время и в более ранние периоды большое сходство славянских языков лишь отчасти обусловлено их генетическим родством, в значительной же мере общность лексического состава этих языков является следствием их активного культурного взаимодействия, не прервавшегося и после распада праславянского единства и прослеживаемого в разных направлениях и с разной интенсивностью на протяжении всей их письменной истории.

В свое время еще Н. С. Трубецкой (1990а: 139; 1990б: 120) обратил внимание на то, что при формировании западнославянских и восточнославянских литературных языков фактор взаимного влияния играл очень большую роль, причем в XVII в. западнославянская, в частности польская, литературно-языковая традиция оказывала воздействие на русский язык как непосредственно, так и через посредничество „простой мовы“.¹

Эти положения указанного выше автора, а также других ученых-славистов находят подтверждение и в проводимых нами исследованиях польского влияния на дипломатическую корреспонденцию Московского государства (далее МГ) первой половины XVII в. (см. Гарбуль 2009а). Полученные результаты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что польское влияние не только способствовало изменению языковой ситуации в Московской Руси XVII в., что создавало предпосылки для формирования русского литературного языка нового типа, но и обогащало словарный состав языка. При этом особый интерес для нас представляют заимствования из польского, являющиеся

¹ По определению М. Мозера (2002: 221), „простая мова“ — это литературно обработанная, надрегиональная разновидность белорусского и украинского языков среднего периода, возникшая на основе общего русского (= украинско-белорусского) делового языка. В XVI–XVII вв. она выступала в роли одного из письменных языков Великого княжества Литовского (далее ВКЛ).

внутриславянскими дериватами, то есть межславянские заимствования, которым до сих пор уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания (см. Гарбуль 2004а; 2004б; 2005а; 2005б; 2008; 2010а; 2010б; 2011). Объясняется это тем, что выявление такого рода заимствований сопряжено с определенными трудностями ввиду отсутствия у анализируемых лексем формальных признаков их неисконности в русском языке. Из чего следует вывод, что при изучении межславянской миграции лексики применение формальных (строго лингвистических) критериев для идентификации заимствований, как правило, мало пригодно.

Решить проблему установления межславянских заимствований, по мнению большинства исследователей, занимающихся этим вопросом, можно лишь путем привлечения свидетельств культурно-исторического плана, применяя следующие критерии: хронологический (наиболее ранняя фиксация слова), с которым тесно связан текстологический критерий, то есть учет характера памятников, где обнаружены наиболее ранние употребления анализируемой лексики. Кроме того, применяется так называемый сравнительный критерий, включающий такие показатели, как история лексемы в контактирующих языках, ее распространенность в заимствующем, а также в других славянских языках.

Опираясь на приведенные выше критерии, попытаемся в данной публикации доказать, что отмеченные нами в документах Посольского приказа первой половины XVII в. лексемы *помѣстити*, *признавати*, *признати* являются межславянскими заимствованиями-полонизмами в русском языке.

ПОМѢСТИТИ(1)² *глагол. сов. и несов. (?) Поместить (помещать), разместить (размещать); устроить (устраивать); поселить (сидеть): А в Смоленску б... тѣх людей, которые будут ис Польши и из Литвы, в порубежных городѣх помѣстити не велѣль* [Сб. РИО142: 148, 1610–1611 гг.].

Эта лексема является префиксальным дериватом от имеющего общеславянское распространение глагола, восходящего к праслав. **mĕstiti*, 1 л. ед. ч. **mĕščŏ* 'помещать, размещать, располагать', производного от имени **mĕsto* 'место, пространство', в этимологическом отношении трудного слова, трактуемого как образование с суф. *-to* (**mĕt-to*) от незасвидетельствованного гла-

² Здесь и далее цифрой в скобках указано количество употреблений анализируемой лексики в наших материалах.

года с и.-е. базой **mejt(h)*- 'местопребывание', 'питание, пропитание' (см. Borys 2005: 327, 321; Фасмер 1967, II: 607–608; ЭСлРЯ 10: 162; ЭССЯ 18: 202, 203, 205–206).

По данным исторического словаря, анализируемый глагол впервые фиксируется в деловом памятнике 1614 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 17: 11). В этом источнике утверждается, что *помѣстити* в XVII в. употреблялось в значении 'наделять поместьями', однако из двух приводимых примеров только второй, датированный 1649 г., иллюстрирует указанное выше значение, а первый (1614 г.), на наш взгляд, демонстрирует интересующее нас значение. В значении 'наделять поместьями' *помѣстити* представляет собой имперфект, а в анализируемом нами значении, вероятнее всего, перфект (там же). В значении 'наделять поместьями' история глагола пока не прослеживается далее середины XVII в.

Мы обнаружили *помѣстити* в исследуемом значении, по-видимому, в перфектном употреблении в дипломатическом документе 1610–1611 гг. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, что позволяет несколько уточнить время появления глагола в русской письменности. В этом значении лексема продолжала бытовать в русском языке XVIII–XX вв., и до настоящего времени она в значениях 'предоставить помещение для жилья, поселить; дать расположиться, предоставить место кому-л.' и 'определить, устроить куда-л.' входит в активный словарный состав языка (САР IV: 1493; Даль 1980, III: 278; ССРЯ 10: 1179–1180; НСлРЯ II: 213). Заметим, что с XVIII в. анализируемый глагол используется только в форме перфекта.

Наше внимание слово *помѣстити* привлекало по ряду причин. Во-первых, характером памятника, на который приходится наиболее ранняя на данный момент его регистрация. Во-вторых, тем, что в древнерусском языке с 30–60-х гг. XIII в. был известен глагол *мѣстити* 'помещать, сажать' (СлДРЯ V: 107; СлРЯ XI–XVII вв. 9: 110), которым могло быть мотивировано *помѣстити*, однако временной промежуток между появлением этих лексем в письменных источниках составляет около трех с половиной веков. Кроме того, в *Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)* (VII: 161) представлено единичное употребление постфиксального глагола *помѣститиса* 'вместиться, поместиться', датированное 1406 г. В связи с этим можно было бы предположить возможность обратного образования (редеривации) в русском языке, но пока эту версию следует, видимо, отвергнуть, потому что в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* постфиксальный глагол вообще не фиксируется.

Как видим, попытка аргументации возникновения *помѣстити* в самом русском языке наталкивается на определенные трудности. Если же учесть обстоятельства появления глагола в русской письменности начала XVII в., то не исключена возможность его заимствования из польского языка. Так, в старопольских памятниках *pomieścić* 'umieścić, posadzić' известно с конца XIV–XV вв. (Boryś 2005: 327; SlStp VI(5): 369) и бытовало на протяжении XVI–XIX вв. (SlP XVI, XXVII: 127, 128; Linde IV: 894; Długosz-Kurczabowa 2008: 421–422; Karłowicz IV: 566). В словарях современного польского языка интересующий нас глагол в значении 'dać czemuś miejsce gdzieś; ulokować, umieścić; zapewnić komu mieszkanie, lokum' сопровождается пометой „przestarz.“, в других же значениях он продолжает активно употребляться до сих пор (SlJP VI: 937–938; USJP 3: 333).

В письменности ВКЛ интересующий нас глагол пока не выявлен, здесь с 20-х гг. XVII в. в сильно полонизированных текстах на „простой мове“ отмечается только постфиксальная форма *поместитися* 'змясціцца' (ГСБМ 26: 259). Тогда как в украинском языке (*помістити*) XIX–XXI вв. и в современном белорусском языке (*памясціць*) рассматриваемый глагол представлен в анализируемом значении (Грінченко 1924, II: 296; СУМ VII: 129; ВТССУМ 2005: 1042; ТСБМ 3: 657).

Итак, исторические данные позволяют, по нашему мнению, выдвинуть предположение о возможном заимствовании *помѣстити* в русский письменный язык начала XVII в. из польского. В другие восточнославянские языки эта лексема могла попасть уже из русского языка.

В заключение остановимся на акцентуации глагола в русском языке: на суффиксе в отличие от ударения на корне в польском языке. Место ударения в русском языке можно объяснить как результат закономерной фонетической адаптации на восточнославянской почве, поскольку здесь большая часть префиксальных глаголов имеет ударение на том же слоге, что и мотивирующие их бесприставочные глаголы (РГ I: 374). Кстати, *помѣстити* 'надевать поместьями', то есть в имперфектном употреблении, в XVII в., очевидно, имело акцентуацию, совпадающую с местом ударения в польском языке. То же, видимо, относится и к *помѣстити* в интересующем нас значении в случае его использования в форме имперфекта.

ПРИЗНАВАТИ (1) *глагол. несов.* Соглашаться считать что-л. законным, существующим, действительным; признавать за кем-

чем-л. право, власть и т.п.: *И люди будто Московские изо многихъ мѣсть и городовъ приезжали и збиралися к нему признаваючи его быти прямымъ царевичемъ Дмитреемъ Углицкимъ, и честь и службу всякую ему чинили, какъ есть государю своему прямому...* (Сб. РИО 137: 429, 1607–1608 гг.).

Эта лексема является суффиксальным производным от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение праслав. *znati, 1 л. ед. ч. *znajǫ ‘знать’ (о его происхождении см. ниже: лексема *признати*).

Мы обнаружили *признавати* в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польско-Литовским государством в начале XVII в. Этот случай на данный момент следует считать наиболее ранней фиксацией глагола в русской письменности, так как в историческом словаре самое раннее его употребление в значении ‘считать что-л. истинным, действительным; принимать за что-л., считать чем-л.’ датируется 1650 г. и иллюстрируется выдержкой из *Прений с греками* (с приложением статейного списка посольства в Молдавию и Валахию), автором которых является А. Суханов (СлРЯ XI–XVII вв. 19: 154–155).

Характер памятников, в которых *признавати* было выявлено нами и представлено в историческом словаре, а также то, что мотивирующий его глагол *признати* в русских письменных источниках отмечается в более позднее время (см. ниже), наводит на мысль о возможной неисконности рассматриваемой лексемы в русском языке.

Поскольку *признавати* является внутриславянским дериватом, то наиболее вероятным его источником в русском может быть польский язык. В старопольских памятниках *przyznawać* ‘uznawać, uwazać za co, potwierdzać coś, godzić się z czymś’ известно с 70-х гг. XV в. и в этом значении бытовало на протяжении XVI–XIX вв. (SłStp VII(5): 386; Reczek 1968: 404; SłPaska II: 290; Linde 1811, IV: 1259; Karłowicz 1912, V: 407). В польской лексикографии XX–XXI вв. *przyznawać* в значении ‘uznawać coś za słuszne, uznawać czyjaś rację, zgadzać się z czymś’ снабжено пометой „książk.“, а словосочетание *przyznawać za kogo* ‘uznawać za kogo’ — пометой „daw.“ (SłJP VII: 677–678; USłJP 3: 830).

Результаты сопоставления приведенной выше информации об истории анализируемой лексемы в русском и польском языках, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу лексического заимствования в русский письменный язык начала XVII в. из польского.

В связи с тем, что в XVI–XVII вв. заимствования из польского в русский язык довольно часто осуществлялись благодаря деловой письменности ВКЛ и/или „простой мове“ [см. Гарбуль 2009б], попытаемся проследить историю *признавати* в памятниках ВКЛ. Здесь глагол наблюдается с конца 70-х гг. XVI в. и первоначально – именно в интересующем нас значении в документах и текстах на „простой мове“, язык которых сильно полонизирован (ГСБМ 28: 273). В этом значении лексема регистрируется и в лексикографических источниках украинского (*признавати*) и белорусского (*прызнаваць*) языка до сих пор (СУМ VII: 667; ВТССУМ 2005: 1116; ТСБМ 4: 432). Эти данные дают определенные основания для вывода о том, что в письменности ВКЛ последней четверти XVI в. *признавати* также является лексическим полонизмом. В таком случае деловой язык ВКЛ и „простая мова“ могли выступать в роли посредников при заимствовании этого глагола в русский письменный язык XVII в.

Что касается дальнейшей судьбы *признавати* в русском языке, то в анализируемом значении оно продолжало употребляться в XVIII–XIX вв. и представлено в лексикографии XX–XXI вв. (САР V: 312; Даль 1980, III: 414; ССРЛЯ 11: 483; НСлРЯ II: 302). При этом объяснения требует акцентуация лексемы в восточнославянских языках, отличающаяся от польского. Место ударения в этих языках можно объяснить как результат закономерной фонетической адаптации: глаголы с морфом *-ва-* имеют ударение на этом морфеме, если они мотивированы глаголами с ударением на конечном слове инфинитива (РГ I: 352–353).

ПРИЗНАТИ (1) *глагол, сов.* Согласиться счесть что-л. законным, существующим, действительным; признать за кем-, чем-л. право, власть и т.п.: *И люди ваши, повтерив ему, государем его признали* (Сб. РИО 142: 392, 1613 г.).

Анализируемая лексема является префиксальным производным от глагола, восходящего к праслав. **znati*, 1 л. ед. ч. **znajǫ* ‘знать’, имеющего общеславянское распространение и соответствия в балтийских и германских языках, с и.-е. базой **g'en-*/**g'nō-* ‘знать’, ‘узнавать’ (см. Boryś 2005: 742; Фасмер 1967, II: 100–101; ИЭСРЯ I: 326–327; ЭСБМ 10: 86).

До сих пор считалось, что появление слова *признати* в русской письменности в значении ‘счесть истинным, действительным что-л.’; признать справедливость чего-л.’ следует отнести к 50–м гг. XVII в., а в значении ‘признать за кого-л., счесть кем-л.’ – к 70–м гг. того же столетия (СлРЯ XI–XVII вв. 19: 155). Причем язык

памятников, из которых в историческом словаре приводятся иллюстрации указанных выше фиксаций глагола, насыщен заимствованиями, в том числе и польскими [там же]. По нашим данным, рассматриваемая лексема проникает в памятники письменности на четыре десятилетия раньше и представлена в дипломатической корреспонденции, отражающей контакты МГ с Польско-Литовским государством. В связи с этим мы, как и в случае с *признавати*, склонны считать *признати* лексическим заимствованием из польского, а не самостоятельным образованием в русском языке.

Так, в старопольских источниках *przyznać* 'uznać, potwierdzić' было известно уже с начала XV в. и бытовало в польском языке на протяжении XVI–XIX вв. (SlStp VII(5): 385; Linde 1811, IV: 1259; Karłowicz 1912, V: 407). Что касается характера бытования перфектной формы глагола в интересующем нас значении в XX–XXI вв., то оно полностью совпадает с употреблением имперфекта в том же значении (см. выше: история *przyznawać* в польском языке). Итак, сведения об истории *przyznać* в польском языке могут служить подтверждением о заимствовании глагола в русский письменный язык первой четверти XVII в. именно из этого источника.

В письменности ВКЛ, которая могла играть роль посредника в процессе заимствования *признати* в русский язык, единичные употребления этого глагола в значении 'ствердити, визнати, посвідчити' засвидетельствованы в документах 30-х гг. XV в., язык которых отражает польское влияние (ССМ 2: 239). Однако более широкое распространение данная лексема получает лишь с начала XVI в., а в анализируемом значении — только со второй половины того же столетия, причем в это время она наблюдается в документах, язык которых испытал сильное польское влияние (ГСБМ 28: 276). Дальнейшая история анализируемого глагола в украинском и белорусском языках полностью совпадает с судьбой имперфекта в том же значении (см. выше: история лексемы *признавати* в украинском и белорусском языках, а также: (ТСБЛМ 2002: 512). В русском языке так же, как и в других восточнославянских языках, история *признати* в XVIII–XXI вв. аналогична истории *признавати* (см. выше).

Приведенная выше информация дает определенные основания для заключения о том, что в письменности ВКЛ *признати*, видимо, также является лексическим заимствованием из польского, а в интересующем нас значении это, возможно, уже семан-

тический полонизм. Но в любом случае деловая письменность ВКЛ и „простая мова“ могли выступать в роли посредников при проникновении *признати* в русский письменный язык XVII в.

Завершая обзор истории глагола *признати* в контактировавших языках, остановимся на таком моменте, как его акцентуация в восточнославянских языках. Место ударения в этих языках можно объяснить как закономерную фонетическую адаптацию на восточнославянской почве (см. выше: акцентуация глагола *помъстити*).

Обобщим результаты анализа представленных выше лексем:

1. Все три рассмотренные лексемы, являющиеся внутриславянскими дериватами, по нашему мнению, попали в русский письменный язык первой четверти XVII в. благодаря процессу межславянской миграции слов и являются лексическими полонизмами.

2. В двух случаях (*признавати*, *признати*) роль посредника в процессе заимствования могла играть деловая письменность ВКЛ и „простая мова“.

3. Для всех трех анализируемых лексем было установлено более раннее время появления их в русской письменности, чем это предполагалось до сих пор. Причем для *признавати* и *признати* уточнение хронологии было существенным, что весьма важно, так как именно хронологические данные позволяют установить направление влияния при контактировании генетически родственных языков.

4. Что касается судьбы рассматриваемых лексем в языке-реципиенте, то все три глагола продолжают активно употребляться в современном русском литературном языке.

ЛИТЕРАТУРА

- ВТССУМ = Великий тлумачальний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь: ВТФ „Перун“, 2005. –1728 с.
- Гарбуль Л. К вопросу о межславянских лексических заимствованиях в русском приказном языке XVII века / Л. Гарбуль // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. –2004a. – Vol. 49. – Fasc. 1–2. – С. 27–43.
- Гарбуль Л. К истории некоторых полонизмов в русском языке / Л. Гарбуль // *Respectus Philologicus*. – 2004b. – № 6(11). – С. 45–55.

- Гарбуль Л. П. К вопросу о происхождении лексем *жадность, заочно, заочный, заслуга, злость* в русском языке / Л. П. Гарбуль // Slavistica Vilnensis 2004 (Kalbotyra). – 2005a. – № 53(2). – С. 53–67.
- Гарбуль Л. Межславянские заимствования-полонизмы в русском приказном языке XVII века / Л. Гарбуль // Respectus Philologicus. – 2005b. – № 8(13). – С. 110–121.
- Гарбуль Л. История лексем *затруднить, налгать, пограничье, родовитый* в русском и других восточнославянских языках / Л. Гарбуль // Respectus Philologicus. – 2008. – № 13(18). – С. 180–191.
- Гарбуль Л. Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века / Л. Гарбуль. – Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2009a. – 481 с.
- Гарбуль Л. П. „Простая мова“ как проводник польского влияния на русский приказный язык второй половины XVI – первой половины XVII в. / Л. П. Гарбуль // Slavistica Vilnensis 2005–2009 (Kalbotyra). – 2009b. – № 54(2). – С. 192–198.
- Гарбуль Л. П. История лексем *дознаться* и *заслышать* в русском и других восточнославянских языках / Л. П. Гарбуль // Slavistica Vilnensis 2010 (Kalbotyra). – 2010a. – № 55(2). – С. 140–148.
- Гарбуль Л. Отражение результатов межславянских языковых контактов в русской деловой письменности первой половины XVII века (синхронный и диахронический аспекты) / Л. Гарбуль // Respectus Philologicus – 2010b. – № 18(23). – С. 179–190.
- Гарбуль Л. Отражение результатов межславянских языковых контактов в русской деловой письменности первой половины XVII века (синхронный и диахронический аспекты). Часть 2/ Л. Гарбуль // Respectus Philologicus – 2011. – № 19(24). – С. 168–178.
- Грінченко Б. Словарь української мови. Українсько-російський словарь: В 2-х тт. / Б. Грінченко. – Т. II. – Берлін: Українське слово, 1924. – 1073 с.
- ГСБМ = Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Т. 26, 28. – Мінск: Беларуская навука, 2006, 2008. – 444 с., 477 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / В. Даль. – Т. III. – М.: Русский язык, 1980. – 555 с.
- ИЭСРЯ = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х тт. / П. Я. Черных. – Т. I. – М.: Русский язык, 1999. – 560 с.
- Мозер М. Что такое „простая мова“? / М. Мозер // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae – 2002. – Vol. 47. – Fasc. 3–4. – С. 221–260.
- НСЛРЯ = Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х тт. / Т. Ф. Ефремова. – Т. II. – М.: Русский язык, 2001. – 1088 с.
- РГ = Русская грамматика: научные труды: В 2-х тт. / Репринтное издание. – Т. I. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. – 784 с.

- САР = Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6-и чч. / Вновь пересмотр., испр. и доп. изд. – Ч. IV, V. – СПб., 1822. – 1536 стлб., 1142 стлб.
- Сб. РИО 137 = Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. 4 (1508–1608 гг.) // Сборник Русского Исторического Общества. – Т. 137. – М., 1912. – 797 с.
- Сб. РИО 142 = Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. 5 (1609–1615 гг.) // Сборник Русского Исторического Общества. – Т. 142. – М., 1913. – 801 с.
- СлДРЯ = Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. V, VII. – М.: Азбуковник, 2002, 2004. – 645 с., 505 с.
- СлРЯ XI–XVII вв. = Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 9, 17, 19. – М.: Наука, 1982, 1991, 1994. – 360 с., 296 с., 272 с.
- ССМ = Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: В 2-х тт. – Т. 2. – Київ: Наукова думка, 1978. – 591 с.
- ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка: В 17-и тт. – Т. 10, 11. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960, 1961. – 1774 стлб., 1842 стлб.
- СУМ = Словник української мови: В 11-и тт. – Т. VII. – Київ: Наукова думка, 1976. – 723 с.
- Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990а. – № 2. – С. 122–139.
- Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990б. – № 3. – С. 114–134.
- ТСБЛМ = Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / 3-е выданне. – Мінск: „Беларуская Энцыклапедыя“ ім. Петруся Броўкі, 2002. – 784 с.
- ТСБМ = Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: В 5-і тт. – Т. 3, 4. – Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1979, 1980. – 672 с., 768 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О. Н. Трубачева: В 4-х тт. / М. Фасмер. – Т. II. – М.: Прогресс, 1967. – 672 с.
- ЭСБМ = Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 10. – Мінск: Беларуская навука, 2005. – 325 с.
- ЭСлРЯ = Этимологический словарь русского языка / Под ред. А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. – Вып. 10. – М.: Издательство МГУ, 2007. – 399 с.
- ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. – Вып. 18. – М.: Наука, 1992. – 255 с.
- Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego / W. Boryś. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. – 861 s.

- Długosz-Kurczabowa K. Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego/ K. Długosz-Kurczabowa. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2008. – 884 s.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., Słownik języka polskiego: T. I–VIII. / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki (red.). – T. IV, V. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1908, 1912. – 1036 s., 827 s.
- Linde S. B. Słownik języka polskiego: T. I–VI./ S. B. Linde. – T. IV. – Warszawa, 1811. – 1286 s.
- Reczek St. Podręczny słownik dawnej polszczyzny / St. Reczek. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1968. – 934 s.
- SłJP = Słownik języka polskiego: T. I–XI. – T. VI, VII. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, 1965. – 1479 s., 1499 s.
- SłPaska = Słownik języka Jana Chryzostoma Paska: T. I–II. – T. II. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo PAN, 1973. – 795 s.
- SłP XVI = Słownik polszczyzny XVI wieku. – T. XXVII. – Wrocław: Ossolineum, 1999. – 499 s.
- SłStp = Słownik staropolski: T. I–XI. – T. VI(5), VII(5). – Warszawa: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1970–1973, 1973–1977. – 574 s., 560 s.
- USłJP = Uniwersalny słownik języka polskiego: T. 1–4 / Pod red. S. Dubisza. – T. 3. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. – 1612 s.

On the Problem of Interslavonic Migration of Lexemes (On the Origin of Some Words in the Russian Language)

Summary

The article examines the origin of the following words found in the Russian chancery language (diplomatic correspondence) of Muscovite Russia of the first half of the 17th century: *pomestiti* ‘place, locate; lodge, accommodate, put up’, *priznati*, *priznavati* ‘recognize, vote’ and retraces their further fate in the Russian and other East Slavonic languages as well as in the Polish language. The author aims at proving that these interslavonic derivatives are interslavonic lexical loanwords – Polonisms – in the Russian language.

The following conclusions are made: all the examined words, according to the author, are lexical loanwords – Polonisms – in the Russian language. The written language of the Great Duchy of Lithuania, evidently, appeared to be the mediator, when words *priznati* and *priznavati* were being borrowed in the Russian written language of the first quarter of the 17th century.

Keywords: *interslavonic migration of words, interslavonic derivatives, interslavonic loanwords – Polonisms, the chancery language of the Great Duchy of Lithuania, ‘prostaja mova’.*